

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-28-47

УДК 94(47)

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ XVIII–XIX вв. И АРМЯНЕ. СЛУЖБА АРМЯН В АРМИИ РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ (XIX–НАЧАЛО XX в.)¹

Лапин Владимир Викентьевич

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия;

Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого,

Тула, Россия

lapin@eu.spb.ru

Аннотация. Армия дореволюционной России являлась эффективным социальным лифтом, позволявшим получать права дворянства и занимать высокое положение в обществе представителям непривилегированных сословий. Практика участия офицеров и генералов в гражданской администрации усиливала значение карьеры в армии. Участие в боевых действиях сказалось на положении армян на Кавказе и в целом в империи (преодоление армянофобии, возрождение воинских традиций, выслуга дворянского статуса, укрепление позиций в администрации).

Ключевые слова: армия России, армяне, Кавказская война, национальный вопрос, офицерский корпус, социальный лифт.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325, <https://rscf.ru/project/23-28-00325>.

CAUCASUS WARS IN 18TH–19TH CENTURIES AND ARMENIANS. SERVICE IN THE RUSSIAN ARMY AS A SOCIAL LIFT FOR ARMENIANS (19TH–EARLY 20TH CENTURIES)

Lapin Vladimir V.

European University at St. Petersburg,
Saint-Petersburg, Russia;
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia
lapin@eu.spb.ru

Abstract. The army of pre-revolutionary Russia was an effective social lift that allowed representatives of the unprivileged classes to receive the rights of the nobility and occupy a high position in society. The practice of participation of officers and generals in the civil administration reinforced the importance of a career in the army. Participation in hostilities affected the position of Armenians in the Caucasus and in the empire as a whole, including overcoming Armenophobia, revival of military traditions, length of service of noble status, strengthening the positions in the administration.

Keywords: army of Russia, Armenians, Caucasian War, national question, officer corps, social lift.

Цитирование: Лапин В.В. Кавказские войны XVIII–XIX вв. и армяне. Служба армян в армии России как социальный лифт (XIX–начало XX в.) // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 28–47. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-28-47 / Lapin V.V. Caucasus Wars 18th–19th Centuries and Armenians. The Service of Armenians in the Russian Army as a Social Lift (19th–Early 20th Centuries), in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 1. Pp. 28–47. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-28-47.

© Лапин В.В., 2023

Армяне были давним, постоянным и верным союзником России на Кавказе, поскольку надеялись на ее помощь в освобождении от турецкого и персидского гнета. В историографии основное внимание сосредоточено на «боевом братстве»: на участии добровольцев в сражениях, на заслугах офицеров и генералов — армян [Потто, 1901; Потто, 1902]. В литературе разных жанров можно найти множество примеров того, как армяне, рискуя жизнью, играли важную роль разведчиков, курьеров, как спасали от голода российские войска, которые, в отсутствие налаженного интендантства в этом крае, нередко терпели острую нехватку продовольствия и фуража. При этом в тени остаются вопросы, связанные с тем, как такое активное участие армян в имперском строительстве на пространстве между Черным и Каспийским морем повлияло на их положение в этом регионе и во всей империи. Проявляется тенденция изучать процессы в экономике и в обществе, происходившие на уже «покоренном» Северном Кавказе и в уже «присоединенном» Закавказье, что очень заметно при чтении самой основательной на сегодняшний день монографии об «имперской роли» армян [Riegg, 2020].

Включение в заголовок статьи выражения «Кавказские войны», бытовавшего в дореволюционную эпоху, объясняется попыткой минимизировать негативные последствия традиционного отрыва действий царской армии в Адыгее, Чечне и Дагестане от вооруженного противостояния с Тегераном и Стамбулом. Отделение истории «усмирения», «обуздания» (обычные термины дореволюционных документов) горцев от столкновений с войсками султана и шаха объясняется прежде всего тем, что армии Турции и Персии, в отличие от ополчений жителей Северного Кавказа, не рассматривались правительством России как шайки разбойников. Объявление войны и заключение мира с южными соседями происходили в рамках межгосударственных отношений, тогда как боевые операции против горцев считались сродни полицейским акциям.

Здесь необходимо учитывать, что русско-турецкие и русско-персидские столкновения в Закавказье по своему рисунку были очень схожи с тем, что происходило в XVIII–XIX вв. на Северном Кавказе. Наряду с несколькими масштабными батальями (Ахалцых, Шамхор и т.д.), эти войны были наполнены бесчисленными «боевыми столкновениями», поскольку большую часть войск шаха и султана составляла иррегулярная конница, применявшая партизанскую тактику (засады, налеты, обстрелы и т.д.). Против нее, так же как и против горцев, царская армия очень часто действовала отдельными небольшими отрядами, что давало младшим командирам прекрасную возможность отличиться.

Известно выражение «кому — война, кому — мать родна»: для одних вооруженный конфликт — это несчастье, для других — возможность реализовать себя, отличиться, сделать карьерный скачок, заслужить орден, который является очень ценным и пожизненным символическим капиталом. Армия России была важным социальным лифтом. С петровской эпохи каждый, кто выслужил первый обер-офицерский чин (прапорщик, корнет) или был награжден любым орденом, получал права потомственного дворянства. В 1845 и 1856 гг. эти пороги повышались, в результате

чего на рубеже XIX–XX вв. для вхождения в благородное сословие в вооруженных силах надо было стать полковником. Более строгими стали требования и к негражденным (требовалось получить ордена Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны и Св. Станислава 1-й степени). Но в любом случае, даже первая звездочка на погонах означала переход в личное дворянство. Запись в документах «из обер-офицерских детей» создавала гораздо более выгодные условия для карьеры. Эта схема вертикальной социальной мобильности была характерна для дореволюционной России: отец кровью и потом выбивался из податных сословий, а его сын поступал на службу уже на правах дворянства.

Война ускоряла движение этого социального лифта. Одним из героев Кавказской войны был генерал от инфантерии Николай Иванович Евдокимов (1804–1873). Когда Александр II пожаловал ему титул графа, на фамильном гербе, который составлялся геральдистами «со смыслом», красовалась среди прочего крепостная башня и борона. Первая показывала: титул дан за ратные заслуги, а вторая символизировала происхождение генерала. Его отец был прапорщиком, выслужившимся из нижних чинов, который до призыва в рекруты пахал землю. В боях с горацами, персами и турками «вышли в генералы» сын остзейских пасторов (Р.К. Фрейтаг), иностранцы, искавшие «счастья и чинов» на русской службе (А.А. Иедлинский, Ф.К. Клюки-фон-Клушенау).

Кавказские войны позволили быстро продвинуться в чинах «выходцу из армян» Ивану Давидовичу Лазареву (1820–1879). В 1842 г. он получил после трехлетней службы в солдатах чин прапорщика и, видимо, из-за острой нехватки младших командиров, был назначен командиром роты (должность капитана). В 1852 г. Лазарев уже подполковник, поднявшийся за 10 лет на 5 ступеней в Табели о рангах. Такая карьерная резвость до того была присуща только наполеоновской эпохе. Известность в Кавказской армии ему принесло награждение в 1878 г. орденами Св. Георгия 3-й и 2-й степени с интервалом в два месяца.

Фантастической была карьера Валериана Григорьевича Мадатова (1782–1829). История о его происхождении и о появлении в Санкт-Петербурге в 1799 г. выглядит невнятно и во многом напоминает жизненный путь А.Д. Меньшикова – любимца Петра Великого. Последнему приписывают торговлю пирогами, а первому – роль подручного у полкового маркитанта. Оказавшись в столице в составе грузинской делегации, он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, откуда уже офицером перешел в армию. Мадатов прославился как отважный и предприимчивый кавалерийский офицер в 1806–1814 гг., в 31 год стал генерал-майором. С 1816 г. он – один из ближайших соратников главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова, который, будучи человеком скупым на положительные характеристики, писал 30 сентября 1819 г. генералу А.А. Закревскому: «Мадатов служит похвальнейшим образом и делает невероятные успехи» [Ермолов, 2014, с. 202]. Звездным часом для этого генерала-армянина стала Русско-персидская война 1826–1828 гг., где он одержал блестящие победы. В их «сиянии» несколько потерялись успехи Мадатова в боях с горацами в 1816–1826 гг., а именно за это он получил «Анну» 1-й степени,

алмазные знаки к ней и «Владимира» 2-й степени (очень весомую награду в те времена). За человека, по понятиям столичного общества «без роду-племени», согласился отдать свою дочь Софию (фрейлину императрицы Елизаветы Алексеевны) сенатор и член Госсовета А.А. Саблуков. Венчание состоялось в церкви Царско-сельского дворца, что также показывает статус Мадатова.

В боях на Кавказе в 1847–1878 гг. прославился Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888), проделавший путь от никому неизвестного поручика до генерала от кавалерии, командующего действующим корпусом Кавказской армии, обладателя высших наград империи и графского титула. Он, занимая два важнейших поста в правительстве (министр внутренних дел и шеф жандармов) во время народовольческого террора, был назначен председателем чрезвычайного органа – Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, действовавшей с февраля по август 1880 г. По распоряжению Александра II «принимаемые им меры должны подлежать безусловному исполнению всеми и каждым и соблюдению и могли быть отменены только им самим или особым Высочайшим повелением» [ПСЗ РИ II, 1881, с. 450].

Армяне поступали на русскую службу и в XVIII столетии, но в начале XIX в. начался все более ускоряющийся их приток в состав вооруженных сил России, и прежде всего – в Отдельный Кавказский корпус. Подавляющее большинство поступали в полки рядовыми солдатами или юнкерами и благодаря боевой активности частей выслуживали обер- и штаб-офицерские чины.

Инкорпорация армян в состав военной имперской элиты встречала сразу пять препятствий. Во-первых, их нобилитет был физически уничтожен еще в XIV–XVI вв., поэтому им крайне сложно было поступать на службу на правах дворянства. Во-вторых, на Кавказе (и в России в целом) существовало прочное предубеждение о малой пригодности армян к военной службе. В-третьих, в России в целом и на Кавказе существовала армянофобия, очень схожая с антисемитизмом. В-четвертых, сказывалось отсутствие традиции военной службы, ориентация на занятие торговлей, ремеслами и земледелием. И наконец, пока христианское население Кавказа не убедилось в прочности позиций России, оно опасалось воевать под царскими знаменами.

На 1801 г., к началу включения Закавказья в состав Российской империи, армянской национальной элитой было духовенство, выходцы из которого при поступлении на государственную (военную) службу не могли конкурировать с дворянскими детьми. В условиях мира это было очень заметное преимущество, поскольку представитель «благородного сословия» выигрывал у поповича два года за счет сокращения срока пребывания в нижних чинах до выслуги погон прапорщика. Затем (опять же в мирной обстановке) вступало в действие положение о старшинстве: произведенный по выслуге лет («по линии») хотя бы на день раньше получал следующий чин тоже раньше. Но в условиях войны появлялась возможность обогнать конкурентов, поднявшись на следующую ступеньку Табели о рангах «за отличие».

Кроме поступления рядовым в регулярную армию, существовала возможность выслуги обер-офицерского чина в милиции (временном ополчении), хотя по закону прапорщик или капитан милиции не мог перейти в армию или в гражданское ведомство тем же рангом, а должен был начинать службу простым солдатом. Однако на практике (опять же в условиях активных боевых действий) милиционер мог произвести такое сильное впечатление на начальство, что последнее допускало «исключения». К такой практике подталкивала и тенденция поощрения местной знати. Офицеров грузинских и армянских батальонов, которые формировались в 1827–1828 гг., назначали из местных жителей по усмотрению командира Отдельного Кавказского корпуса «...по расторопности, способностям и усердию каждого», причем за военные заслуги предписывалось производить их в настоящие офицерские чины. Ранее они имели приставку к чину «зауряд», что означало только исполнение обязанностей прапорщика или есаула, но не получение прав, связанных с присвоением обер-офицерского чина [Научный архив ВИМАИВиВС, ф. 3, оп. 5/3, д. 10, л. 2–11]. Правила воинской службы содержат немало свидетельств о том, что правительство благосклонно взирало на увеличение числа офицеров-армян.

Перспектива быстрой выслуги чинов вела к тому, что для удержания в канцеляриях грузин и армян в конце 1859 г. были установлены «Правила О переименовании Кавказских и Закавказских уроженцев, за оказываемые ими в военных действиях отличия, из гражданских чинов в военные». Чиновники от 14 до 8 классов для получения чина прапорщика и корнета (по армии) должны были иметь высшее или среднее образование и обязательно пройти полугодовую стажировку в учебном батальоне. Если такового не было – полагалось включать их в линию производства «по милиции» с более чем призрачными возможностями получить «настоящий» чин. Гражданские чиновники 8 класса и выше получали военные наименования (тоже исключительно по милиции), только если они, «...командуя значительной отдельной частью милиции, обратят на себя внимание распорядительностью в бою и военными способностями, и при том переименование их будет признано полезным для службы». Каждый раз при этом требовалось особое высочайшее повеление. Чиновники, ранее служившие в регулярных войсках, при возвращении на военную службу продолжали ее с теми же погонами, какие сняли с себя при переводе «в канцелярию», вне зависимости от того, каких карьерных успехов они в этой канцелярии добились. Все это должно было удержать уроженцев Кавказа на службе в гражданских учреждениях [ПСЗ РИ II, 1861, с. 320]. В 1850 г. дети армяно-григорианских священников были уравнианы с правами детей православных священников и могли поступать на службу вольноопределяющимися 1-го разряда, что предусматривало четырехлетнее пребывание в унтер-офицерах до получения первого обер-офицерского чина [ПСЗ РИ II, 1856, с. 507]. Примечательно, что на армян не распространялись разного рода препятствия, создаваемые для «притормаживания» выслуги дворянства кавказскими уроженцами. Представители горской знати до заветных погон должны были получить четыре(!) награды. При этом чины предписывалось давать «только лицам, пользующимся особенно важным значением и влиянием

в своем населении» [ПСЗ РИ II, 1875, с. 490]. Только в 1860 г. горцев – выпускников военно-учебных заведений освободили от обязательной 6-летней армейской службы внутри России [ПСЗ РИ II, 1862, с. 436].

Потомки средневековых армянских нобилей из поколения в поколение передавали историю своего рода и после утверждения России в Закавказье боролись за признание их сословного состояния, не имея в большинстве случаев на руках никаких доказательств своей знатности. Отсюда курьезные, на первый взгляд, слова в справочниках биографического характера: «...выходец из древнего армянского княжеского рода, ведущего свое происхождение от парфянских царей, но не утвержденного в княжеском достоинстве в России» [Асадов, 2018, с. 73].

Представление о том, что армяне – плохие воины, сложилось под воздействием двух факторов. Первый – социально-экономическая ниша, которую они занимали (торговля, ремесло, земледелие). На фоне военно-феодалного характера грузинской, азербайджанской и горской знати они выглядели как потенциальные и реальные «жертвы сильного». Второй – стратегия выживания в условиях перманентного террора со стороны мусульман, когда сопротивление в подавляющем большинстве случаев оказывалось бесполезным и только повышало число жертв и масштаб разрушений из-за того, что грабители приходили в ярость от понесенных потерь. Армяне-торговцы, попавшие в руки разбойников (а этого прибыльного занятия на Кавказе не чурались даже грузинские дворяне), считали удачей сохранение жизни ценой безропотного расставания с товаром. Подобные модели поведения были характерны и для других народов, оказавшихся в сходных трагических условиях существования.

Но в тех районах, где компактное и многочисленное христианское население имело шансы на успешную оборону, воинские традиции сохранялись и позволяли давать отпор (Карабах, некоторые районы Западной Армении). Главнокомандующий на Кавказе П.Д. Цицианов, испытывавший острую нехватку конницы, 19 июня 1805 г. предписал отправить армянам Карабаха «обвещание». В этом документе генерал взывал к памяти о временах, когда армянские всадники из этого региона были грозой персидских войск. При этом уклонявшихся от вступления в ополчение он укорял в том, что они «сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами» [АКАК, 1868, с. 833].

Кучка крестьян ничего не могла противопоставить отряду курдской конницы, но горожане-армяне отважно сражались на стенах осажденных городов (Шуша, Елизаветполь и т.д.). Именно под впечатлением таких примеров генерал Р.А. Фадеев, хороший знаток Кавказа, при обсуждении вопроса о распространении воинской повинности на коренное население края предлагал сформировать из армян 17 гарнизонных батальонов. По его мнению, эти части гарантировали бы безопасность крепостей как от внешней угрозы, так и от внутренних беспорядков, поскольку за спиной солдат оказывались их дома и семьи [Фадеев, 1889, с. 201].

Публицист В.Л. Величко, известный своими националистическими взглядами, писал: «В армии русские также теснее всего сходятся с грузинами, тогда как армян офицерская семья некоторых полков, как, например, Нижегородского, не склонна принимать в свою среду...» [Величко, 1990, с. 51]. Это высказывание никак не стыкуется со списками офицеров Кавказского корпуса, где часто встречаются характерные фамилии [Боевая летопись..., 1900, приложение XVII]. В условиях фронта характер отношений внутри воинских коллективов всегда и везде претерпевал значительные изменения. Войска Отдельного Кавказского корпуса сформировали специфическую ратную субкультуру, о чем неоднократно писали историки и мемуаристы [Бенкендорф, 1910, с. 529; Дроздов, 1886, с. 513; Лапин, 2008, с. 279–309]. Эта субкультура допускала не только значительные отступления от уставных норм, но и подвергала испытанию на прочность различные конструкты, в том числе и различные предрассудки и фобии. В кавказских полках место человека в иерархии определялось прежде всего его действительными боевыми заслугами, когда за скобками оказывалась родословная, чин, национальность, вероисповедание и вообще все, что являлось его жизненным багажом севернее Кубани и Терека. Шаблонная общеимперская антипатия к немцам в горах Чечни, Дагестана и Адыгеи натывалась на обожание русскими солдатами и офицерами генерала-лифляндца Р.К. Фрейтага, который имел реноме «спасителя» (несколько раз выручал попавшие в окружение отряды) и в честь которого солдаты сочинили песню со словами: «С нами Бог и Фрейтаг с нами!».

Военная литература приводит множество свидетельств о высоких ратных качествах армян. Уже упоминавшийся И.Д. Лазарев, еще будучи рядовым Ширванского пехотного полка, получил за храбрость в боях с горцами знак ордена Св. Георгия 4-й степени. Эти награды давались, как правило, по несколько единиц на отличившуюся роту, солдаты которой решали, кто станет обладателем заветного белого крестика. Нет сомнения, что подавляющее большинство нижних чинов были русские, которые не смогли не оценить должным образом храбрость однополчанина-иноплеменника.

Армяне становились командирами даже тех армейских частей, где первое лицо должно было пользоваться безоговорочным авторитетом у сослуживцев. В Отдельном Кавказском корпусе имела место неофициальная дифференциация частей по престижности и боевым заслугам. Бесспорную иерархию в таких случаях выстроить сложно, но лидерство Апшеронского, Куринского и Кабардинского полков оспаривать нельзя. Роль неофициальной конной гвардии играл Нижегородский драгунский полк. В 1859–1865 гг. апшеронцами командовал А.А. Тер-Гукасов, в списках этого и других престижных полков — еще несколько десятков его соплеменников. Еще более ярким доказательством состоятельности офицеров-армян было их командование теми частями, где из-за особенностей личного состава для национальных предрассудков существовала особо благодатная почва.

В 1877–1878 гг. командиром Чеченского конно-иррегулярного полка назначили Николая Агафоновича Акимова (1842–1913), в послужном списке которого указана его принадлежность к армяно-григорианской церкви. Не менее ярким показателем приобретения офицерами-армянами реноме «молодца» следует считать назначение Давида Иосифовича Бебутова (1793–1867) командиром Закавказского конно-иррегулярного полка в 1834–1849 гг., который комплектовался добровольцами из азербайджанской знати. Туманов Николай Георгиевич (1848–1919) в 1885 г. был переведен с Кавказа в столицу с назначением командиром взвода в Крымско-татарскую команду царского конвоя. В Крыму татары имели большой и неоднозначный опыт общения с армянами.

Но самым удивительным в этом списке преодоления этностереотипов выглядит командование Дагестанским конно-иррегулярным полком в 1873–1877 гг. Дмитрием Богдановичем Тер-Асатуровым (?–1897). Эта воинская часть формировалась в 1850-е гг. изначально из дагестанцев (в основном – аварцев), которые желали отомстить имаму Шамилю за убитых родственников. Она пополнялась людьми, нарушавшими все правовые нормы (адаты, российские законы и шариат) и решительно отрицавшими дисциплину в ее традиционном армейском понимании [Козубский, 1909, с. 44, 51, 139]. Всадники полка подчинялись только офицерам, способным совмещать официальную должность со статусом военного вождя. Все прочие командиры Дагестанского конно-иррегулярного полка были представителями грузинской и мусульманской знати. Назначение русского подполковника В.Н. Белюстина закончилось неудачей: он уже через месяц подал рапорт о переводе, «...не чувствуя призвания командовать полком из людей неизвестного ему характера» [Козубский, 1909, с. 56].

Заслуживает внимание и то, что армянин Александр Яковлевич Денибегов (1820–1883) в 1862–1872 гг. возглавил 2-й Владикавказский полк Терского войска и одновременно казачью бригаду, в которую этот полк входил. Затем, в 1872–1874 гг., служил атаманом 2-го отдела Терского казачьего войска [Асадов, 2018, с. 167]. В 1865–1875 гг. атаманом всего Терского войска был знаменитый М.Т. Лорис-Меликов, известный, кроме своих боевых отличий на Кавказе, тем, что ему поручили «караулить» легендарного наиба Хаджи-Мурата, когда тот временно перешел на сторону России. Здесь уместно напомнить, что терское казачество, формировавшееся в условиях военного фронта, образовало этническую группу, в которой «молодчество» было значимо для социального статуса так же, как и у горцев. Кроме того, во Владикавказском полку служило много осетин, а в целом в Терском войске было такое количество мусульман, что на территории области действовало более тридцати мечетей [РГИА, ф. 1268, оп. 8, 1855 г., д. 100, л. 7–10].

Нет сомнения, что фобию в отношении армян в дореволюционной России по степени распространенности и масштабу можно сравнить с антисемитизмом [Гатагова, 2012, с. 82; Панеш, 1996, с. 272–273]. При этом обвинения политического характера (в экстремизме и сепаратизме, характерные для последней трети XIX–начала XX в.) переплетались с упреками в нещадной экономической эксплуатации и

«административном засилье». Такая социально-экономическая ниша армян, как оптовая и розничная торговля, способствовала возникновению взаимозависимости покупателя и продавца в связи с распространенным отпуском товаров в кредит, что порождало множество конфликтов. Правительство, заинтересованное в экономическом развитии южных окраин, представляло армянским общинам и отдельным предпринимателям различные привилегии, что болезненно воспринималось остальным населением, тем более, что во многих местах основание и увеличение армянских общин воспринималось как колонизация. Армяне со своей характерной внешностью, особым бытом и, что самое главное, – особым вероисповеданием были лучшими кандидатами на роль «чужого». К армянам российские публицисты-«державники» относились негативно, используя лексику и аргументацию анти-семитского характера [Величко, 1990, с. 34–35, 45–46, 53]. Один из офицеров русской армии в своих мемуарах признался в том, что под влиянием таких статей он с большим подозрением относился к армянам до тех пор, пока сам не побывал в Закавказье [Вадин, 1907, с. 13]. Армянофобии был не чужд и Николай I; делаясь с И.Ф. Паскевичем своими впечатлениями о жителях Кавказа после поездки туда в 1837 г., он писал: «...Армяне полезные, но великие проныры и почти подобные польским жидам, они нам верны по расчету, их надо вести твердо, справедливо, но без всякого баловства» [Щербатов, 1896, с. 333]. В армии особую неприязнь вызывали торговцы, «пользовавшиеся моментом». Один из участников Ахал-Текинской экспедиции 1882 г. писал: «Все маркитанты – армяне. Относительно высасывания денег жид-ростовщик, берущий десять процентов в месяц, является мальчишкой в сравнении с армянином» [Майер, 1998, с. 83].

Армянофобия усилилась в начале XX в. в контексте обвинения армян в антиправительственной деятельности. Крайне резкие высказывания в адрес этого народа звучали даже с трибуны Государственной думы [Гатагова, 2012, с. 84–85]. Казачьи националисты в начале XX в., в своем противостоянии «иногородним» (лицам не войскового сословия, проживающим на территории Области Войска Донского), самыми вредными элементами называли евреев, поляков и армян [Корниенко, 2013, с. 101, 183]. В 1905 г. на Кавказе произошли армянские погромы, в них участвовали не только традиционно враждебно настроенные мусульмане, но и христиане (русские и осетины в Алагире) [Гатагова, 2016, с. 319–322].

Армянофобию приходилось преодолевать даже тем, кто в боях и походах доказал свою состоятельность как полководец. Противники М.Т. Лорис-Меликова старательно раздували слухи об «армянском засилье» в рядах Кавказской армии. Князь В.П. Мещерский (1839–1914), известный своими националистическими взглядами, воспользовался испытанными приемами для защиты генерала: «...так как Лорис-Меликов – армянин, то понятно, что с ним связывают мысль об армянском влиянии [...]. Армян на военном поприще никто не выдвигает: их выдвигают каждого отдельно проявления в них замечательных дарований и способностей и затем собственный пример храбрости и неустрашимости. [...] Армянин, пробивший себе дорогу и стяжавший себе имя в Кавказской армии, можно это наверно сказать,

ни эту дорогу, ни это имя даром или фуксом не приобрел; он сделался русским. [...] Это — люди старых преданий и старого времени. Они чужды политики армянской, они чужды наживе армянской. Те, то есть низшие и средние сферы армянского населения, которые наживаются за счет грузин и русских — совсем другое племя. Они и в военную службу идут с неохотой [...]. Они и не любят своих прославленных генералов» [Мещерский, 1878, с. 320–322]. Схожая имперская риторика использовалась для того, чтобы отделить «хороших» поляков, немцев, финляндцев и т. д. от «плохих» подданных тех же национальностей.

Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что боевые «кавказские» заслуги оказались сильнее укоренившихся предрассудков. Иван Алексеевич Шестаков (1820–1888), морской министр при Александре III, хорошо знавший придворные нравы, так охарактеризовал положение Лорис-Меликова в столичных сферах: «...военная слава его не могла возбудить зависти между обычными деятелями государственных сфер. Останься она военной только, присяжные правители легко примирились бы с нею, зная, как скоро вянут лавровые венки в душной атмосфере мира, там, где не может быть гражданской борьбы и твердости характера не в чем выказаться, разве что в громких неудачах. Вопрос изменился, когда внезапно выказались правительственные способности, осененные лучами обаятельной военной славы. Нарождалась сила, с которой следовало считаться, и сила эта вышла не из заколдованного круга, издавна решившего, что в нем только должно искать спасения России, не из привилегированной среды прежних товарищей великокняжеских забав, не из угодников старух, почивающих на громких преданиях блестящей молодости, или увядших придворных красавиц, не желающих еще почить от дел своих. Нет, сила возникла из неведомых столице кавказских дебрей (курсив мой. — В.Л.). Легко представить, как заговорил холопский мир, видевший до того спасение только в родном холопстве. Начали точить ножи во всех прихожих, понеслись ядовитые стрелы в дерзостного армянина, пошатнувшего древние предания, древние обычаи. Новый правитель России был intru — не свой (так в оригинале. — В.Л.). Вот личное положение Лорис-Меликова» [ОР РНБ, ф. 856, д. 6, л. 675–676].

До включения Закавказья в состав Российской империи при формировании ополчений в Грузии (Катли-Кахетия) в строй становились этнические грузины. Армяне финансировали военные нужды и поставляли продовольствие. Поэтому в 1828 г. при сборе дружин из местных христиан, когда обе национальности были фактически уравнены правилами набора и службы, население было очень взволновано неслыханным ранее нарушением традиций [Научный архив ВИМАИВиВС, ф. 3, оп. 5/3, д. 10, л. 2–11]. Еще более сложной оказалась ситуация в мусульманских провинциях, где издавна с пониманием относились к тому, что роль военачальников могут играть грузинские князья. Персидские владыки доверяли им командовать своими войсками. Но армянин, отдающий приказы правоверным — это не укладывалось ни в какие рамки! Принцип коллективной (родовой) ответственности вкупе с институтом кровной мести ставил родственников и земляков армянина-удальца в крайне уязвимое положение. Большое значение имело и то, что традиционное общество

подразумевает наследование образа жизни, а ратное дело не входило в список популярных занятий в армянском обществе к тому моменту, когда Россия пришла на Кавказ.

Еще в 1703 г. армянская сторона на переговорах с Петром I настойчиво требовала держать подготовку совместных действий русских войск и армянского ополчения в глубочайшей тайне, поскольку опасалось жестоких репрессий со стороны персов и турок [Армянское войско..., 1968, с. 51]. В 1723 г. Россия фактически бросила своих закавказских союзников на произвол судьбы, согласившись при этом дать приют тем, кто решил эмигрировать. После ухода русских гарнизонов из Дагестана и Азербайджана немалое число христиан, состоявших на царской службе, по условию договора 1735 г. выдавались персидской стороне. И снова все, что было сделано для армян и грузин – саботирование соответствующей статьи и разрешение на переселение в Россию. При выдаче христиан персам генерал В.Я. Левашов «...многую жалость и нареkanie от них видел, что их издревле обещанная протекция не защитила» [Армянское войско..., 1968, с. 164]. В 1804 г. после неудачной осады Эривани русские войска вернулись в Грузию. За сотрудничество с ними мужчины 500 армянских семейств, живших в районе этой крепости, были казнены, а их жены и дети проданы в рабство [Парсамян, 1972, с. 22]. После ухода русских полков в 1826 г. из Нухинского ханства местные мусульмане начали резать армян [Записка Н.Н. Муравьева-Карского, 1889, с. 186]. При заключении Адрианопольского мирного договора в 1829 г. под давлением европейских держав России пришлось вернуть Турции значительную часть завоеванных территорий (Карс, Ардаган, Баязет, Эрзрум и др.), жители которых имели все основания опасаться репрессий со стороны турок. В этой связи главнокомандующий на Кавказе И.Ф. Паскевич писал императору: «...Посреди всеобщей радости здесь, в Азии, весть о сем мире погрузила в справедливое уныние часть народа, заслуживающего наше участие и продолжительными бедствиями своими, и опытами усердия к успехам оружия российского, и жалкою будущностью, которая ожидает его, ежели под сенью могущественной десницы В.И.В. не обретет он верного убежища от преследований, ему грозящих» [АКАК, 1878, с. 830]. Есть прямые указания современников на то, что армяне решались брать в руки оружие, если не опасались репрессий со стороны турок [Лачинов, 1877, с. 156]. Во всех войнах России на Кавказе, включая Первую мировую, армяне приносились в жертву политическим и военным соображениям. По мере того как положение России укреплялось на пространстве между Черным и Каспийским морями, опасения за себя и своих близких становились все менее значимым фактором в решении надеть русский мундир.

Таким образом, все пять препятствий к увеличению числа офицеров-армян в армии Российской империи успешно преодолевались.

В чинопроизводстве, в вопросах назначения на должности и в награждении орденами огромную роль играла протекция. При этом следует учитывать тесную взаимосвязь всех частей этой «триады». Чин давал право на занятие определенного места службы, а назначение капитана по какой-то причине на «майорскую» должность

заметно повышало его шансы перейти из обер-офицеров в штаб-офицеры. По статуту ордена определенных классов полагались чинам соответствующих рангов (например, крест Св. Владимира 3-й степени мог получить только штаб-офицер, а орден Св. Андрея Первозванного – только «полный» генерал). Награда же способствовала продвижению по служебной лестнице и повышению в чине «за отличие». Редкое письмо А.П. Ермолова влиятельным людям не содержало просьб «порадеть» тому или иному лицу [Ермолов, 2014, с. 24, 25, 28, 31–36]. Сыновья отставного капитан-лейтенанта А.А. Шестакова имели несносный характер, проблемы с дисциплиной и вряд ли удержались бы на службе. Но их отец был в тесной дружбе с начальником штаба Черноморского флота адмиралом М.П. Лазаревым, который спасал молодых скандалистов от грозивших им неприятностей [М.П. Лазарев. Документы, 1961, с. 321, 334]. Родственные и прочие связи (выпускники одних и тех же военно-учебных заведений, однополчане, дети сослуживцев, земляки) переплетались с симпатиями национального и конфессионального характера, что при всем негативном отношении к непотизму приходится признавать явлением естественным и потому живучим. Немало написано о так называемом «немецком засилье», о механизмах протекции, игравшей заметную роль в том, что выходцы из среды остзейской знати составляли такую заметную долю в офицерском корпусе Российской империи [см.: Копелев, 2010]. Выявление аналогичных процессов с участием армян требует специального исследования, но, принимая во внимание прочность семейных связей, а также корпоративную культуру армянских общин, трудно представить, чтобы полковник-армянин или генерал-армянин проявлял полнейшую беспристрастность в вопросах награждения или чинопроизводства своих подчиненных.

Для продвижения по служебной лестнице армянам приходилось преодолевать предрассудки националистического характера, а на Кавказе – еще и конкуренцию со стороны грузинского дворянства и мусульманского населения. Позиции армян в экономике и администрации Кавказа порождали не только зависть в других местных общинах, но и опасения правительства в «чрезмерном влиянии» этого народа на политические процессы. Не следует полностью сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что между армянской и православной церковью существуют важные принципиальные догматические разногласия. При равнодушии к таковым со стороны светских кругов и правительства (не существовало никакой дискриминации по конфессиональному признаку) эти разногласия периодически актуализировались в рамках армянофобских нарративов.

Распространенная в дореволюционной России практика назначения отставных и служащих военных на должности в гражданской администрации открывала армянам, получившим чины в армии, двери во все ведомства, что имело важное значение для инкорпорирования знати этой национальности в имперскую элиту. Генералы могли претендовать на министерские и губернаторские кресла, полковники – на должности градоначальников, капитаны и поручики – на менее значительные места в различных ведомствах. Особо это было заметно в регионах, где был

дефицит управленцев, а кадровый голод – перманентное состояние присутственных мест на окраинах империи. На Кавказе во второй половине XIX в. сложилась и до 1917 г. продержалась система военно-народного управления, когда представителями коронной власти в округах и участках были офицеры, среди которых было немало армян. Из 82 генералов этой национальности каждый четвертый занимал различные должности в гражданском и военно-народном управлении края.

С начала XIX в. на Кавказе особое значение приобретает навык говорить, читать и писать по-русски. Если большинство московских или астраханских армян хорошо владело русским языком, то для жителей Закавказья это было нечто новое. Однако на то российская армия и была имперской, чтобы плохое знание основного средства общения не было препятствием для службы в ней в XVIII–первой половине XIX в., тогда как в гражданских ведомствах карьера для «немного» человека была практически закрыта. В 1763 г. «из армянской нации асессора Петра Дмитриева», направленного в Астраханскую губернию для искоренения кормчества, «...за малоимением русского языка» перевели в Армянский эскадрон, стоявший в Кизляре, с переименованием в премьер-майоры [Армянское войско..., 1968, с. 377]. В 1818 г. в составе 8-го Егерского полка на Кавказе появился 27-летний поручик, уроженец Богемии Франц Карлович Ключи-фон-Клугенау, не знавший ни слова по-русски. Его личная храбрость и способности военачальника были известны всему корпусу [Грегорьевский, 1874, с. 136–139, 145–146, 508, 514]. Большинство офицеров из финляндцев, поляков и немцев-остзейцев говорили «на общеимперском наречии» с большими затруднениями. «В здешней армии находится очень значительное число офицеров, едва понимающих по-русски и изъясняющихся на страшно ломаном языке», – писал один московский журналист в 1877 г. [Градовский, 1878, с. 220]. Военная служба была одним из важнейших механизмов русификации, и поэтому даже те армяне, которые не выслужили обер-офицерский чин, так или иначе проходили в полках Кавказского корпуса школу, значительно улучшавшую их позиции в империи благодаря знанию языка администрации и приобретению навыков общения с российской администрацией.

У многих генералов вообще и генералов-армян в частности в карьере имеется указание на исполнение роли адъютанта или офицера-порученца. Это был важный, а во многих случаях и ключевой пункт в биографии. Такая должность автоматически означала огромное воздействие на дела (какую бумагу начальнику подадут, такую он и подпишет), постоянное пребывание на виду и личное знакомство с большим числом влиятельных лиц способствовали занятию вакантных мест. Обратной стороной «мелькания перед глазами» важных персон (что увеличивало шансы на повышение в чинах) была многотрудная служба. С распоряжениями начальника адъютанту приходилось не раз оказываться в самом пекле сражения, а неприятельские стрелки выбирали такую фигуру в качестве мишени. Сама скачка по бездорожью, в любую погоду и в любое время суток, с риском попасть в руки вражеского разъезда или разбойничьей шайки также была тяжким испытанием. В 1812 г. юнкера Д. О. Бебутова отправили в полковую штаб-квартиру с известием об «отчаянном»

положении одного из эскадронов, окруженного восставшими кахетинцами. Надо было пробраться незамеченным по малознакомой местности, под угрозой неминуемой расправы в случае плена [Генерал-лейтенант Д.О. Бебутов, 1867, с. 257–258]. На Кавказе знание местных языков (грузинский, персидский, турецкий), а также местных нравов-обычаев давало офицерам-армянам прекрасные возможности занять должность адъютанта или офицера «для особых поручений» при высоком начальнике со всеми благими последствиями для развития карьеры.

Заметна тенденция перевода (перехода) офицеров-армян на службу вне Кавказа при достижении штаб-офицерских чинов: из 82 лиц в генеральских чинах такой шаг сделали 18 человек (около 22%). Объяснение этого явления требует специального исследования, но резонно предположить, что пирамидальный характер должностей в строю и в тыловых структурах в противном случае привел бы к заполнению их лицами одной и той же национальности. Из тех же 82 генералов значительную часть своей карьеры или даже всю целиком на Кавказе сделали 64 человека (78%). Из этого же числа генералов-армян как минимум у 61 (72%) в справочнике Ю.А. Асадова упоминаются родственники-военные разных рангов. 20 представителей этой же выборки (25%) занимали различные должности в гражданском и военно-народном управлении края.

В последней трети XIX–начале XX в. власть была крайне встревожена участием армян в антиправительственных акциях, а также приобретающим все более угрожающие формы стремлением к созданию национального государства. Но эта тревога вкупе с традиционными опасениями по поводу чрезмерного влияния армян на экономику Кавказа и тамошнюю администрацию не привела к дискриминационным мерам в военной сфере. Количество генералов и офицеров – армян в армии неуклонно увеличивалось, в чем заметную роль играли не только их личные боевые заслуги, но и заслуги их отцов-дедов, отличившихся в годы Кавказских войн. Эти заслуги сложились в солидный символический капитал, а также позволили армянам, поступавшим на военную службу уже после 1878 г., иметь более выгодные стартовые карьерные позиции. Поскольку связи во властных структурах имели огромное значение для ведения бизнеса, занятие отставными офицерами постов в гражданской администрации не могло не способствовать успешности армянских родов, располагавших как экономическими, так и административными ресурсами.

2 февраля 1801 г. генерал И.П. Лазарев, начальник русских войск в Грузии, писал главнокомандующему К.Ф. Кноррингу с раздражением, которое только может позволить себе подчиненный, что он в Тифлисе узнавал «от армян здешних» о том, какие повеления и предписания он получит «сверху», за несколько дней до приезда курьера из Георгиевска с этими самыми повелениями и предписаниями [АКАК, 1866, с. 190]. Так российские власти узнали о существовании на Кавказе своеобразного «армянского телеграфа», по которому слухи разной степени достоверности распространялись с невообразимой скоростью.

Век спустя нечто подобное уже не удивляло правительство, смирившееся с доминированием армян в самых разных сферах кавказской жизни. Защищая себя (для армян каждая война на Кавказе была *отечественной*), внося заметный вклад в строительство Российской империи, приверженцы армянской апостольской церкви сумели использовать ускорение социального лифта, которое было связано с Кавказскими войнами XIX в., и укрепить свои позиции в крае.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. I. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1866. 816 с.
- АКАК. Т. II. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.
- АКАК. Т. VII. Тифлис: тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1878. 994 с.
- Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества (исследование и документы). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР., 1968. 475 с.
- Асадов Ю.А. 3000 армянских офицеров царской России. Историко-биографическая книга памяти (1701–1921). Т. 1. М.: Перо, 2018. 610 с.
- Бенкендорф К.К. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г. // *Русская старина*. 1910. Вып. 10–12. С. 518–532.
- Вадин В. Кавказские наброски. Из воспоминаний русского офицера об армяно-татарских столкновениях. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1907. 32 с.
- Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Элм, 1990. 222 с.
- Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 446 с.
- Гатагова Л.С. «И сыну грозно возопил...» Армяне как объект фобии в Кавказском наместничестве // *Родина*. 2012. № 8. С. 82–85.
- Генерал-лейтенант Д.О. Бебутов // *Военный сборник*. 1867. № 6. С. 241–294.
- Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. СПб.: Типография А. Траншеля, 1878. 260 с.
- Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе. 1818–1850 // *Русская старина*. 1874. Вып. 9–12. С. 131–152; 497–515.
- Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 год // *Кавказский сборник*. 1887. Т. 10. С. 512–584.
- Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: Звезда, 2014. 830 с.
- Записки Н.Н. Муравьева-Карского // *Русский архив*. 1889. № 2. С. 177–208.

- Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск: Изд-во Полка, 1909. 621 с.
- Копелев Д.Н.* На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 338 с.
- Корниенко Б.С.* Правый Дон. Казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
- Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне. XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 396 с.
- Лачинов Е.Е.* Отрывок из «Исповеди» // *Кавказский сборник*. 1877. Т. 1. С. 123–195. М.П. Лазарев. Документы. Т. III. М.: Военно-морское изд-во, 1961. 578 с.
- Махлаюк Н.П.* Боевая летопись 14-го Гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. 1800–1900. Тифлис, 1900. 412 с.
- Мещерский В.П.* Кавказский путевой дневник. СПб.: тип. Г.Е. Благодетель, 1878. 373 с.
- Научный архив военно-исторического Музея артиллерии инженерных войск и войск связи (Научный архив ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. 5/3. Д. 10.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 856. Д. 6.
- Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб.: Европейский дом, 1996. 302 с.
- Парсамян В.А.* История армянского народа. 1801–1900. Ереван: Айастан. 1972. 398 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ РИ II). Т. 30. Ч. I. СПб., 1856. 778 с.
- ПСЗ РИ II. Т. 34. Ч. II. СПб., 1861. 402 с.
- ПСЗ РИ II. Т. 35. Ч. II. СПб., 1862. 634 с.
- ПСЗ РИ II. Т. 47. Ч. I. СПб., 1875. 1047 с.
- ПСЗ РИ II. Т. 54. Ч. I. СПб., 1881. 473 с.
- Потто В.А.* Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902. 77 с.
- Потто В.А.* Геройская защита Баязета. 1829 г. СПб.: В.А. Березовский, 1901. 22 с. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 8. 1855 г. Д. 100.
- Фадеев Р.А.* Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: В.В. Комаров, 1889. 642 с.
- Щербатов А.Г.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб.: В.А. Березовский, 1896. 396 с.
- Riegg S.B. *Russia's Entangled Embrace: the Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914*. Ithaca, N.Y.; London: Cornell University Press, 2020. 314 p.

REFERENCES

Akty, sobrannye Kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] (АКАК). Vol. I. Tiflis: tip. Gl. upr. Namestnika Kavk., 1866. 816 p. (in Russian).

АКАК. Vol. II. Tiflis: tip. Gl. upr. Namestnika Kavk., 1868. 1238 p. (in Russian).

АКАК. Vol. VII. Tiflis: tip. Gl. upr. Namestnika Kavk., 1878. 994 p. (in Russian).

Armianskoe voisko v XVIII veke. Iz istorii armiano-russkogo voennogo sodruzhestva (issledovanie i dokumenty) [Armenian army in the 18th century. From the history of the Armenian-Russian military community (research and documents)]. Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1968. 475 p. (in Russian).

Asadov Iu.A. *3000 armianskikh ofitserov tsarskoi Rossii. Istoriko-biograficheskaja kniga pamiaty (1701–1921)* [3000 Armenian officers of Tsarist Russia. Historical and biographical book of memory (1701–1921)]. Vol. 1. Moscow: Pero, 2018. 610 p. (in Russian).

Benkendorf K.K. *Vospominaniia grafa Konstantina Konstantinovicha Benkendorfa o Kavkazskoi letnei ekspeditsii 1845 g.* [Memoirs of Count Konstantin Konstantinovich Benkendorf about the Caucasian summer expedition of 1845], *Russkaia starina*. 1910. Is. 10–12. Pp. 518–532 (in Russian).

Vadin V. *Kavkazskie nabroski. Iz vospominanii russkogo ofitsera ob armiano-tatarskikh stolknoveniakh* [Caucasian sketches. From the memoirs of a Russian officer about the Armenian-Tatar clashes]. St. Petersburg: Pushkinskaia skoropechatnia, 1907. 32 p. (in Russian).

Velichko V.L. *Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennye voprosy* [Caucasus. Russian business and tribal issues]. Baku: Elm, 1990. 222 p. (in Russian).

Gatagova L.S. *Severnyi Kavkaz v epokhu pozdnei imperii: priroda nasillia. 1860–1917* [North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860–1917]. Moscow: Novyi khronograf, 2016. 446 p. (in Russian).

Gatagova L.S. "I synu grozno vozopil..." Armiane kak ob"ekt fobii v Kavkazmelm namestnichestve ["And he cried menacingly to his son ..." Armenians as an object of phobia in the Caucasus region], in *Rodina*. 2012. No. 8. Pp. 82–85 (in Russian).

General-leitenant D.O. Bebutov [Lieutenant General D.O. Bebutov], in *Voennyi sbornik*. 1867. No. 6. Pp. 241–294 (in Russian).

Gradovskii G.K. *Voina v Maloi Azii v 1877 godu. Ocherki ochevidtstva* [War in Asia Minor in 1877. Eyewitness accounts]. St. Petersburg: Tipografia A. Transhelia, 1878. 260 p. (in Russian).

Grzhegorzhevskii I.A. General-leitenant Kliuki-fon-Kliugenau. *Ocherk voennykh deistvii i sobytii na Kavkaze. 1818–1850* [Lieutenant General Klucky von Klugenau. Essay on military actions and events in the Caucasus. 1818–1850], in *Russkaia starina*. 1874. Is. 9–12. Pp. 131–152; 497–515 (in Russian).

- Drozdov I. Obzor voennykh deistvii na Zapadnom Kavkaze s 1848 po 1856 god [Overview of military operations in the Western Caucasus from 1848 to 1856], in *Kavkazskii sbornik*. 1887. Vol. 10. Pp. 512–584 (in Russian).
- Ermolov A.P. *Kavkazskie pis'ma. 1816–1860* [Caucasian letters. 1816–1860]. St. Petersburg: Zvezda, 2014. 830 p. (in Russian).
- Zapiski N.N. Murav'eva-Karskogo [Notes of N.N. Muravyov-Karsky], *Russkii arkhiv*. 1889. No. 2. Pp. 177–208 (in Russian).
- Kozubskii E.I. *Istoriia Dagestanskogo konnogo polka* [History of the Dagestan Cavalry Regiment]. Petrovsk: Izd-vo Polka, 1909. 621 p. (in Russian).
- Kopelev D.N. *Na sluzhbe Imperii. Nemtsy i Rossiiskii flot v pervoi polovine XIX veka* [In the service of the Empire. The Germans and the Russian fleet in the first half of the 19th century]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 338 p. (in Russian).
- Kornienko B.S. *Pravyi Don. Kazaki i ideologija natsionalizma (1909–1914)* [Right Don. Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 232 p. (in Russian).
- Lapin V.V. *Armiia Rossii v Kavkazskoi voine. XVIII–XIX vv.* [Russian army in the Caucasian war. 18th–19th centuries]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2008. 396 p.
- Lachinov E.E. Otryvok iz "Ispovedi" [Excerpt from "Confession"], in *Kavkazskii sbornik*. 1877. Vol. 1. Pp. 123–195 (in Russian).
- M.P. Lazarev. *Dokumenty* [M.P. Lazarev. Documentation]. Vol. III. Moscow: Voenno-morskoe izd-vo, 1961. 578 p. (in Russian).
- Makhlaiuk N.P. *Boevaia letopis' 14-go Grenaderskogo Gruzinskogo generala Kotliarevskogo polka. Vtoroe stoletie. 1800–1900* [Combat Chronicle of the 14th Georgian Grenadier General Kotlyarevsky Regiment. Second century. 1800–1900]. Tiflis, 1900. 412 p. (in Russian).
- Meshcherskii V.P. *Kavkazskii putevoi dnevnik* [Caucasian travel diary]. St. Petersburg: tip. G.E. Blagosvetlova, 1878. 373 p. (in Russian).
- Scientific Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps (Scientific archive VIMAI VVS). F. 3. Inv. 5/3. D. 10.
- Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 856. D. 6.
- Panesh E.Kh. *Etnicheskaia psikhologija i mezhnatsional'nye otnosheniia. Vzaimodeistvie i osobennosti evoliutsii (na primere Zapadnogo Kavkaza)* [Ethnic psychology and international relations. Interaction and features of evolution (on the example of the Western Caucasus)]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 1996. 302 p. (in Russian).
- Parsamian V.A. *Istoriia armianskogo naroda. 1801–1900* [History of the Armenian people. 1801–1900]. Erevan: Aiastan. 1972. 398 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting] (PSZ RI II). Vol. 30. Part I. St. Petersburg, 1856. 778 p. (in Russian).
- PSZ RI II. Vol. 34. Part II. St. Petersburg, 1861. 402 p. (in Russian).

PSZ RI II. Vol. 35. Part II. St. Petersburg, 1862. 634 p. (in Russian).

PSZ RI II. Vol. 47. Part I. St. Petersburg, 1875. 1047 p. (in Russian).

PSZ RI II. Vol. 54. Part I. St. Petersburg, 1881. 473 p. (in Russian).

Potto V.A. *Pervye dobrovol'tsy Karabaga v epokhu vodvoreniia russkogo vladychestva* [The first volunteers of Karabag in the era of the establishment of Russian rule]. Tiflis, 1902. 77 p. (in Russian).

Potto V.A. *Geroiskaia zashchita Baiazeta. 1829 g.* [Heroic defense of Bayazet. 1829]. St. Petersburg: V.A. Berezovskii, 1901. 22 p. (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1268. Inv. 8. 1855 g. D. 100.

Fadeev R.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 1. St. Petersburg: V.V. Komarov, 1889. 642 p. (in Russian).

Shcherbatov A.G. *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich. Ego zhizn' i deiatel'nost'* [Field Marshal Prince Paskevich. His life and work]. St. Petersburg: V.A. Berezovskii, 1896. 396 p. (in Russian).

Riegg S.B. *Russia's Entangled Embrace: the Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914*. Ithaca, N.Y.; London: Cornell University Press, 2020. 314 p.

Статья принята к публикации 14.02.2023